

Гу Сюньчжи выглянул в окно: у самого порога застыл князь Цзинь. Одарив Жэнь Ши лучезарной улыбкой, он, казалось, так и замер в ожидании ответа.

Гу Сюньчжи оторопел: «Что он здесь забыл?»

По правде говоря, главной причиной, по которой Сюньчжи не стал удерживать шисюна, был страх перед назойливостью князя. Он прекрасно знал: мастеру Жэнь претило общение с подобными людьми, и уж тем более он не пожелал бы ввязываться в авантюру с поимкой дракона. Именно поэтому Сюньчжи ни словом не обмолвился о планах Его Высочества. Кто же мог знать, что осведомители князя рыщут повсюду? Не успел гость переступить порог, как хозяину поместья уже донесли.

Теперь, когда они столкнулись нос к носу, отнекиваться было поздно. Гу Сюньчжи пришлось выйти вперед, отвесить поклон и представить их друг другу:

— Ваше Высочество, это действительно мой старший соученик — Жэнь Ши.

И, обернувшись к брату:

— Шисюн, перед тобой князь Цзинь.

Жэнь Ши не стал утруждать себя поклоном — лишь едва заметно кивнул в знак приветствия. Князь, впрочем, ничуть не оскорбился.

— Давно я слышал от господина Гу о его шисюне, — с улыбкой произнес он. — И сегодня вижу: вы человек незаурядный. Я всегда питал глубочайшее почтение к одаренным мужам. Вы непременно должны задержаться у нас на несколько дней.

Мастер Жэнь прибыл лишь ради того, чтобы отдать Жемчужину Южных морей, и планировал сразу же откланяться. Тратить время на пустую болтовню с вельможей ему не хотелось.

— Пожалуй, откажусь, — сухо бросил он.

Характер у князя Цзиня был далеко не ангельский. Как-никак — родной брат императора. В любой другой ситуации он бы уже вскипел от подобной дерзости, но сейчас он нуждался в услугах мастера, а потому лишь примирительно улыбнулся:

— Если у господина Жэня нет неотложных дел, то к чему такая спешка? Если боитесь стеснить нас в главном доме, оставайтесь прямо здесь, в покоях господина Гу. Вам ведь столько нужно обсудить! Учитель Гу часто поминал вас в наших беседах — сразу видно, как сильно он тосковал.

Князь всегда называл Сюньчжи «учителем», но к Жэнь Ши обратился «гунцзы» — господин. С одной стороны, тот не состоял у него на службе, с другой — несмотря на простоту одежд, в каждом движении гостя сквозило благородство, не присущее простым смертным. Князь рассудил, что Жэнь Ши знатного рода, а судя по молодому лицу, титул «молодого господина» подходил ему как нельзя лучше.

Слова о тоске брата заставили Жэнь Ши дрогнуть. Он перевел взгляд на Сюньчжи. Тот на самом деле никогда не поверял князю своих сокровенных чувств, но Его Высочество попал в самую точку — отрицать очевидное было бессмысленно. К тому же под пристальным взглядом князя Сюньчжи не смел возражать. Ему оставалось лишь виновато улыбнуться брату.

Князь Цзинь прежде никогда не видел Жэнь Ши, да и Сюньчжи о нем почти не рассказывал. Однако, заметив в руках советника нить редчайшего жемчуга, князь безошибочно угадал глубокую привязанность гостя к младшему брату. Поняв, что Жэнь Ши колеблется, он решил подлить масла в огонь:

— Господин Гу только-только вас дождался, и если вы тотчас исчезнете, представьте, как он огорчится.

Князь ляпнул это наугад, но попал в больное место. Гу Сюньчжи за годы службы в поместье отрастил кожу толщиной в панцирь черепахи, и хотя ему удалось сдержать предательский румянец, тень смутения все же скользнула по его лицу. Жэнь Ши, чей взор был острее бритвы, всё заметил.

— Раз так, — вздохнул он, — я останусь на пару дней.

Князь довольно хлопнул в ладоши:

— Вот и славно! Сейчас же велю прислать вам лучшие яства и вина, чтобы вы могли отпраздновать встречу. А завтра устрою в поместье пир в вашу честь. Прошу, не откажите в любезности.

Жэнь Ши не терпелось поскорее избавиться от общества князя, и Гу Сюньчжи поспешил взять инициативу на себя. Рассыпавшись в благодарностях и заверениях, что они непременно почтят пир своим присутствием, он наконец выпроводил Его Высочество.

Как только шаги князя затихли, выражение лица Сюньчжи мгновенно изменилось. Он тяжело вздохнул:

— Шисюн, князь удерживает тебя лишь ради того, чтобы ты помог ему в его делах. Ушел бы ты сейчас — он бы и слова не сказал. А теперь, когда остался, как будешь отказываться?

Жэнь Ши лишь безразлично пожал плечами:

— Ты ведь говорил, что он одержим идеей пленить дракона? Я не люблю совать нос в чужие дела, но раз уж мы встретились, значит, наши судьбы на миг переплелись. Взглянуть на это любопытства ради — вреда не будет. Впрочем, судя по его лицу, все его великие замыслы — лишь тщета и пустые хлопоты.

Гу Сюньчжи знал, что брат искушен в чтении по лицам, и, вероятно, увидел на челе князя дурное предзнаменование. Но поместье князя — не место для подобных речей. Сюньчжи испуганно прикрыл рот брата ладонью:

— Шисюн, тише! У стен есть уши.

Глядя на перепуганного брата, Жэнь Ши ощутил укол разочарования.

«Что же с ним стало за эти годы? Отчего он превратился в это пугливое, дрожащее создание?»

Когда-то учитель выбрал его среди многих для практики в горах, суля блестящее будущее. Но Сюньчжи сбежал, бросив путь бессмертия, и больше не возвращался. Жэнь Ши не мог постичь его логики и лишь горестно вздыхал про себя: «Всё-таки он плоть от плоти смертных. Не может вырваться из тенет бренного мира. Как же трудно обрести истинное Дао...»

Он мягко отвел руку Сюньчжи и в этот момент заметил Сяо Цуй. Девочка как раз вернулась и теперь с некоторым недоумением наблюдала за их странной позой. Сюньчжи спохватился, осознав, что всё еще зажимает рот брату, и поспешно отступил. Прочистив горло, он строго спросил:

— И где это ты пропадала?

— Нигде, — Сяо Цуй показала ему палочку с недоеденным засахаренным боярышником. — У ворот была, сахарных ягод купила.

— Князя видела?

— Видела! — кивнула девочка. — Он спросил, почему я бездельничаю, а я сказала, что приехал шисюн лорда Гу и меня выставили из комнаты.

Гу Сюньчжи горько усмехнулся. Вот и виновник утечки новостей.

Сяо Цуй не отличалась особым умом: князь купил её, и она, разумеется, отвечала на его вопросы со всей прямоотой. Сюньчжи не стал её винить. Солнце уже клонилось к закату, и отсылать её снова было бы жестоко.

— Скоро принесут ужин от Его Высочества, — сказал он. — Иди к воротам, присмотри, когда

появятся.

Увидев, что девочка радостно убежала (ведь ужин обещал быть вкусным), Сюньчжи обернулся к брату и заговорил тихим, предостерегающим шепотом:

— Шисюн, ты человек заоблачный, тебе мирская суета неведома. Но здесь столица, подножие трона, а мы в поместье князя. Здесь каждое слово взвешивают на весах. Я знаю, ты ничего не боишься, но если кто-то зацепится за твои речи... проблем не оберешься.

Он говорил осторожно, подбирая слова, словно боялся обидеть брата своей настойчивостью. Жэнь Ши слушал его с каменным лицом, едва сдерживая раздражение, но, видя искреннюю заботу в глазах Сюньчжи, смирил гордыню.

Вдруг снаружи раздался пронзительный вскрик. Оба бросились к окну: похоже, Сяо Цуй решила подразнить принесенных Жэнь Ши уток, и одна из них преборно ущипнула её за палец.

Жэнь Ши нахмурился:

— Бай Лянь, Цзюй Ши, ко мне! Перестаньте пугать девчонку.

Две утки, недовольно крякнув, вперевалку вернулись в комнату. Сюньчжи с любопытством разглядывал птиц, а Жэнь Ши поморщился:

— Когда я брал их с собой, они клялись, что вот-вот обретут человеческий облик. И что в итоге? Только в уток оборачиваться и умеют. Одна обуза. Оставлю их у тебя. Если станут надоедать — прирежь да зажарь, будет тебе славный ужин.

Утки, почуяв неладное, отчаянно захлопали крыльями, но нападать на хозяина, как на Сяо Цуй, не решились — лишь обиженно загалдели.

Сюньчжи рассмеялся:

— Пока ты здесь, пусть за ними Сяо Цуй присматривает. А когда соберешься уходить, выпустим их в холодный пруд на заднем дворе. Пойдет?

— Делай что хочешь, — бросил Жэнь Ши, потеряв интерес к теме.

Птицы, почуяв милость, замолкли и поспешили забиться в дальний угол, подальше от глаз хозяина.

Гу Сюньчжи выдавил короткий смешок, и разговор снова завял.

Странная штука: пока они были в разлуке, каждый из них истосковался по другому, но стоило им оказаться рядом, как слова застревали в горле. Годы молчания и последняя, не самая приятная встреча воздвигли между ними невидимую стену. У Сюньчжи на душе было тесно от невысказанного, но он не смел доверить эти мысли даже бумаге, не говоря уже о том, чтобы произнести их вслух.

Для Жэнь Ши это молчание было естественным, но Гу Сюньчжи изнывал от неловкости. Он лихорадочно перебирал темы, пытаясь найти хоть что-то, что помогло бы им заговорить как прежде.

К счастью, принесли ужин.

Это были не слуги князя — Его Высочество заказал еду в знаменитой «Башне абрикосового цвета». Курьер внес тяжелый четырехъярусный ларец, источавший дурманящие ароматы. Там была и сочная курица, и нежная рыба, горячие закуски и холодные деликатесы под вино. Пиршество на славу. Жэнь Ши в обычной жизни не притрагивался к земной пище, но, оказавшись в мире смертных, не стал следовать строгим запретам.

Они сели за стол. Сяо Цуй зажгла лампы и расставила блюда. Сюньчжи, понимая, что еды слишком много, отложил половину курицы и часть закусок для девочки, велел ей найти себе поддержку из служанок и поужинать вместе. Шисюны остались одни.

Сюньчжи первым наполнил чашу брата, затем свою. Они подняли вино и выпили в молчании.

Вино было отменным — знаменитая «Абрикосовая настойка». Сладковатая, с тонким цветочным ароматом, она обладала коварной крепостью: пьется легко, а хмелит безжалостно. После нескольких кругов лицо Сюньчжи залил мягкий румянец, в теле появилась приятная истома, а мысли пустились в пляс. Он украдкой взглянул на Жэнь Ши: тот сидел прямо, лицо его сохранило прежнюю бледность, а во взгляде читалась невозмутимая ясность. Его величие и стать были неизменны, вызывая в сердце Сюньчжи жгучую смесь восхищения и боли.

Брат во всём превосходил его — даже в умении держать хмель.

Сюньчжи никогда не завидовал ему, лишь боготворил. Когда-то он верил, что они вечно будут практиковать вместе в тишине гор, не зная суеты. Но в сердце его закралось иное чувство — греховное, странное. Испугавшись своих мыслей, он, словно вор, сбежал вниз, к людям. Прошел через огонь и воду, пока судьба не забросила его в поместье князя. Денег было вдоволь, свой двор, почет среди знати — для обычного человека предел мечтаний. Еще несколько лет назад Гу Сюньчжи и сам был бы доволен собой.

Но сейчас, сидя напротив Жэнь Ши, он видел: между ними пролегла бездна. «Облака и грязь» — так говорят о разнице в положении. Теперь слово «почет» казалось ему горькой насмешкой.

Душа его содрогнулась. Он вспомнил всё, что не успел сказать тогда, в горах.

Минута казалась идеальной. Хмель развязал язык — можно высказаться и сбросить камень с души. А если завтра станет тошно, всегда можно списать всё на пьяный бред. Сюньчжи всегда был слишком осторожен, привыкнув просчитывать пути к отступлению. Он еще раз взвесил всё в своей затуманенной вином голове: «Никто не узнает. Сойдет за шутку».

Он качнулся вперед и едва слышно, с надрывом, прошептал:

— Шисюн...

<http://bllate.org/book/17555/1710951>